

Ключ от
“Покровских
ворот”

ЛЕВ СИМКИН

Ключ от
“Покровских
ворот”

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С37

Оформление обложки **АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО**

В оформлении книги использованы кадры из фильма
“Покровские ворота” (реж. Михаил Козаков © Киноконцерн
“Мосфильм”), фотографии агентства ИТАР ТАСС, эскизы декораций
к фильму Людмилы КУСАКОВОЙ

Симкин, Лев Семенович.

С37 Ключ от “Покровских ворот” / Лев Симкин. — Москва : Издательство
АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 249, [7] с. : ил. — (Стоп-кадр).

ISBN 978-5-17-182680-2

Фильм “Покровские ворота”, снятый в 1982 году про 1956–1957-й, в XXI веке стал частью нашего культурного кода. Фильм до сих пор вызывает споры, его цитируют, по его мотивам появляются мемы и стикеры в мессенджерах. Для многих это не просто веселый водевиль, но энциклопедия московской жизни середины прошлого века.

Лев Симкин, автор книги “Ключ к «Покровским воротам»”, объясняет то, что нынешним зрителем не считается; рассказывает о приметах ушедшего времени и историческом фоне, о типах и прототипах героев этого фильма, об истории его создания.

Лев Симкин — доктор юридических наук, профессор, автор многих документальных книг, в том числе “Собибор/Послесловие”, “Как живые. Образы “Площади революции” знакомые и забытые”, “Великий обман. Чужестранцы в стране большевиков”, “Солдаты возмездия. Охота на нацистских палачей”. Самозабвенно любит кино, смотрит его, пересматривает, пишет о нем.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-182680-2

- © Симкин Л.С.
- © Киноконцерн «Мосфильм», 1982
- © Кусакова Л.М., наследники
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление
- © ООО “Издательство АСТ”

ОГЛАВЛЕНИЕ

“Я потом что непонятно объясню...” ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ... 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Типы, а не прототипы

“Наш коллектив”. Маргарита Павловна... ..	23
... и два ее мужа... ..	26
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Яйца, уют и фен</i>	30
Типы или прототипы?	33
Из жизни Орловичей... ..	36
“Семеро смелых”	38
“Штихель штихелю рознь”	41
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Новые имена</i>	45
“Высокие отношения”	46
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Неотложка и скорая</i>	47
Хоботов — “тайный эротоман”	49
“За гуманизм и дело мира бесстрашно борется сатира”	53
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Барометр</i>	59
“Трудовые резервы”	60
Смерть куплетиста	63
Кроткий	66
“В большом долгу”	68

“Как Соеву пенсне”	71
Популярнейшие	73
Журнал в голубой обложке	76

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Как возводили “Покровские ворота”

“Сомнительная пьеса”	83
О дружбе с чекистами	88
“Второй состав”	92
Как нашли Костика	96
Генерал-директор	100
“Сомнительный” Костик	102
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Фестиваль</i>	105
Костик как alter ego	106
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Атлетизм</i>	113
Из жизни пижонов	114
Намек на Сталина	117
Ах, водевиль	119
“Музыка толстых”	121
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Из жизни тунеядцев</i>	123
“Всё стало вокруг голубым и зеленым..”	127
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>“К другому деду”</i>	128
Rock Around the Clock	130
В “густом” стиле	133
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>КВН и “КВН”</i>	136
Как “Покровские ворота” оказались “на полке”	139
Про Софью Власевну и ее цензуру	143

“Еврейские танцы вокруг памятника Пушкину”	145
“Резать, не дожидаясь..”	149
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Невеселые психушки</i>	151
“Зачем нам два Синявских?”	153
От Москвы до Ленинграда	156
Ход королевы	159
Покровская мелодия.	160
На устах у всех.	163

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Москва коммунальная

“Исторический процесс”	169
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Телефон и телеграмма</i>	173
“А у нас во дворе”	176
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Дворник Азиз и другие</i>	179
Немного о транспортных средствах	182
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Домино, шахматы, прописка</i>	185
На катке	188
На галерах	190
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Разминка пивом</i>	192
“А кто не пьет?”	193
“Наш родной Центральный рынок”	196
Кафе-бар.	198
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Китайский пыльник</i>	200
Как стать “женатиком”	201
Инвалидный рынок	203
Из гипса и бетона	207
Садовое и Бульварное	209

Велюров в выходном костюме и в халате.	213
В поисках радости.	218
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Интеллигентская шляпа</i>	
<i>и пролетарская кепка</i>	220
В стиле New Look.	222
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ. <i>Котлеты и икра</i>	224
Далеко от Москвы. Отговорки Костика	228
“Красная Москва”	231
Мимо высоток	233
“Дорогие мои москвичи”	237
<i>День отъезда — день приезда. ЭПИЛОГ.</i>	239
<i>Прочитано автором.</i>	249

*“Я потом это непонятно
объясню...”*

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Мне бы не пришла в голову мысль написать эту книгу, кабы не попавшийся на глаза пост в соцсети. “Недавно по энному разу пересмотрели засмотренные до наизусть «Покровские ворота». Подумалось, что фильм прямо напрашивается на подробную книгу. Ведь это энциклопедия московской жизни 1950-х, компактно нашпигованная массой реалий: от быта коммуналок и дворов до футбольных репортажей, парковых выступлений, лекториев, катков, бассейнов. Почти каждая фраза из фильма — от псевдоэкспедиции на озеро Титикака до общества «Трудовые резервы» и от Камознса до мотоциклетных увлечений того времени — вскрывает целый пласт, который достоин отдельного комментария-экскурса. Если бы кто-нибудь такое написал, это был бы хит”.

Автору поста, Павлу Ариевичу, немногим за сорок, он родился уже после того, как “Покровские ворота” впервые показали по телевизору. Нынче

его крутят по всем каналам по несколько раз в неделю. Проходя мимо телевизора (а он у нас на кухне не выключается, кажется, никогда), каждый раз смотрю с любого момента — и до конца.

И тем, кто телевизор не смотрит, он тоже нравится, включая молодежь — сужу по количеству фрагментов в Тик-Токе и стикерам в Телеграме. Фильм давно разошелся на цитаты — подобно тому, как это случилось с грибоедовской пьесой (пусть не смутит никого это сравнение) и гайдаевскими кинокомедиями.

Когда фильм получает безоговорочное всенародное признание, всегда возникает вопрос — почему именно он? Есть один расхожий афоризм, кому только не приписываемый: каждый человек способен написать одну гениальную книгу, если это будет книга о его жизни.

“Никакого зазора между мной и Костиком нет”, — признавался Леонид Зорин. Неслучайно Костик Ромин — сквозной персонаж в его повестях: “Хохловский переулочок”, “Прощальный марш”, “Избирательная кампания”, “Медный закат”, “Забвение”, “Господин Друг” и романе “Старая рукопись”. В них он рассказывает или хоть как-то касается собственной молодости, проведенной в конце сороковых годов в коммуналке на Петровском бульваре, под его пером преобразившемся в Покровский. Там, в “запроходной комнатенке, в гряз-

ной, захлавленной квартире, заполненной странными людьми”, жил недавний бакинец Лёня Зальцман, ставший драматургом Леонидом Зориным.

В не меньшей степени отождествлял себя с кинематографическим Костиком и Михаил Козаков. В свои пятьдесят он нещадно муштровал двадцатидвухлетнего Олега Меньшикова, чтобы сделать его максимально похожим на себя в молодости. И всех остальных не щадил, воспринимая зоринский сценарий как рассказ о своей жизни. “На съемочной площадке «Покровских ворот» было двадцать пять «Козаковых», по числу действующих лиц”, — вспоминал Анатолий Равикович, игравший Хоботова. И стоило кому-то “хотя бы случайно поменять местами два слова, скандал был обеспечен, он воспринимал это как выпад против себя”.

Примерно столько же, сколько Козакову на съемках, было Зорину в момент написания пьесы. Пятьдесят лет, как говорят, второй переходный возраст в жизни человека. В поиске нового себя люди нередко обращаются к собственной молодости.

“Если я так нелепо устроен, что нынче, почти за год до пятидесяти, так люто тоскую о Костике Ромине, о днях его свежести, — писал Леонид Зорин, — значит, мне важно почувствовать их вновь под рукою, хотя бы воспрявшими на бумаге”. Видно, Михаилу Козакову в том же возрасте было столь же важно обратиться к этому образу, раз он решил взяться за постановку задевшей его

пьесы. Причем уже второй раз, в первый — в 1974 году, за восемь лет до фильма. То был режиссерский дебют известного актера в Театре на Малой Бронной.

Одноименного спектакля я не видел, хотя в этот театр регулярно ходил, естественно, на творения великого Анатолия Эфроса. Тот хотя и не был там главным, как до того в Центральном детском и Ленкоме, но, понятно, Малая Бронная привлекала зрителей его именем. Так вот, в Козакове, который играл в паре его спектаклей, Эфрос разглядел режиссера. “Он говорил одному человеку, который собирался заниматься режиссурой, что тот не режиссер, а вот Миша — режиссер, — вспоминал Козаков в разговоре с писателем Андреем Яхонтовым. — Он очень строго судил”.

Тем не менее, насколько я помню, та постановка не считалась чем-то выдающимся. Как признавался сам Козаков, в ней “отказались играть все ведущие актеры”, и он “ставил со вторым эшелонем”. Татьяна Догилева, будущая Светлана из “Трудовых резервов”, придя на спектакль, ушла в антракте — он не произвел на нее большого впечатления. Да и во время съемок не изменила своего мнения: “Нам (“нам” — стало быть, не ей одной из числа участников съемок. — Л.С.) казалось, что это какая-то глуповатая комедия. Мы не ожидали большого успеха от этой картины”. Елена Коренева (в фильме — Людочка) — та и вовсе поначалу отказывалась сниматься. “Какой-то натушный юмор, все вздернутые, ненатуральные...” — думала она, в чем признавалась спустя годы.

“Я потом что непонятно объясню...”

Почему же Козаков так рвался вернуться к зоринскому тексту? “Можно увидеть в ней первый слой, и тогда пьеса окажется пошловатой, легко-весной... — объяснял он. — А если поглядеть на нее с другой точки зрения, тогда можно вытащить такие тонкости и такие нюансы, которые по первому слою не видны, но они заложены в пьесе”.

Что же там такого заложено?

Сюжет — отношения решительной дамы и двух ее мужей, при полном отсутствии любовной интриги? Язык — “вы отказываетесь от меня”, “всё кончено”, — то ли высокопарные, то ли пародийные фразы? Ну да, сочетание патетической лексики с бытовой интонацией дает комический эффект — и что с того?

Вот как ответил на этот вопрос Давид Самойлов:

В этом фильме атмосфера
Непредвиденных потерь.
В нем живется не так серо,
Как живется нам теперь.
В этом фильме перспектива,
Та, которой нынче нет.
Есть в нем подлинность мотива,
Точность времени примет.

Чудо всенародной, ну почти всенародной любви (есть и те, кто фильм на дух не переносят) — всегда тайна. В своих “Зеленых тетрадах” Зорин дает одну из ее разгадок: “Всем свойственна острая потреб-

ность в просветленных воспоминаниях, и я неожиданно попал в сердцевинку”.

Таких примеров, чтобы кино всем нравилось: и “глубинному народу”, и более образованным слоям советского общества — немного. Мне на память приходит лишь снятая двумя годами позже “Покровских” народная комедия Владимира Меньшова “Любовь и голуби”.

Согласитесь, есть в этом какая-то странность. Ну какой интерес массовому зрителю в показанных на экране представителях творческой интеллигенции, каких-то там редакторах и переводчиках, словом, “людях без ремесла”? “Что человек без ремесла, — рассуждает Савва Игнатьевич, единственный представитель “простых людей” в числе главных действующих лиц. — Вон гляди, как Лев Евгеньевич мается”.

А может, в том-то и дело, что именно так в народных глазах и выглядит интеллигенция — беспомощной и нелепой, не способной ничего сделать своими руками, да и заработать — тоже? Словом, клоуны. Но при всем при том не чужие, свои. Клоуны и недотепы, пусть живут, что с ними поделаешь. Или, как заметил Станислав Рассадин, “придурки, к коим в России всегда были снисходительны”.

“Покровские ворота” — миф об интеллигенции (в той же степени, как “Любовь и голуби” — миф о “простых людях”). Что же касается самой интеллигенции, то ей фильм напомнил о хрущевской

оттепели, когда после сталинской зимы можно было перестать беспокоиться и начать жить. Зорин не случайно сместил события своей молодости на десять лет вперед и на столько же омолодил Костику. Воссозданную в фильме приподнятую атмосферу трудно вообразить в конце 1940-х годов, а вот в 1950-х — уже вполне.

Как это было, как совпало — оттепельные мечты и юность, “и лишь потом во мне очнулось”, как писал по другому поводу всё тот же Давид Самойлов. Тоска по молодости совпала у авторов фильма с тоской по времени надежд на перемены.

Иногда такие надежды оправдываются, в той или иной степени, так было и в конце пятидесятых, и во второй половине восьмидесятых. В момент выхода фильма до горбачевской перестройки оставалась всего пара лет, и, возможно, наиболее чуткие уже ощущали предвестие другой жизни. Для тех зрителей, кто испытал сходное чувство, сюжет и всё, что на его поверхности (о том, что внутри, поговорим позже), уже не имели решающего значения.

“Придумали б что-нибудь поумней”, — говорит Маргарита Павловна, упрекая Костику в нелепом прикрытии побега Хоботова. И слышит в ответ: “Не имеет значения. Грядут перемены!”

Пусть зрителю известна печальная судьба тех перемен, но вспоминать о них ведь никто не мешает. Это приятно, а иногда и весело, а в “Покровских воротах” много веселого и смешного.